

ПРОБЛЕМА С ПАДАЮЩИМИ ЗВЁЗДАМИ

МЕГ КАННИСТРА

ПРОБЛЕМА
С ПАДАЮЩИМИ
ЗВЁЗДАМИ

*Моему отцу, Джону Каннистре,
за то, что всегда поддерживал мою мечту
стать писателем и никогда не говорил мне стать
юристом, как моя сестра.*

*И всей остальной семье — она слишком большая,
чтобы перечислять всех по очереди
(хотя наверняка они мне это ещё припомнят)*

А у тебя будут совсем особенные звёзды... Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звёзды смеются. У тебя будут звёзды, которые умеют смеяться!*

*Антуан де Сент-Экзюпери.
Маленький принц*

* Пер. Норы Галь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночью быть собой проще. Когда смотрят только звёзды, а небо укутывает в темноту, как в большое мягкое одеяло. Ночь — особенное время, потому что мир раскрывается, и даже луне не важно, кто ты и как выглядишь.

Я раньше любила солнце. Теперь уже нет.

Я лезу пальцами под маску, почесать щёку. Кожа под пластмассой влажная и мягкая, как похуже на желе устрицы, которые дядя Майк готовит на каждое Рождество. На мне не красивая кружевная маска. Это твёрдая белая скорлупа, которая закрывает пол-лица, и мама говорит, что снимать её нельзя, хотя от тугих застёжек на липучках у меня болит голова.

Когда мне было семь, мы с мамой и папой сели на паром «Стейтен-Айленд ферри» и поехали в город смотреть «Призрак Оперы». У него тоже была такая маска. Неудобная, уродливая маска, которая закрывала ему пол-лица. А может, и хорошо, что нам с ним приходится носить маски. Может, меня тоже боялись бы, если бы знали, как я выгляжу без неё. Людям редко нравится

ненормальное. Но когда я сижу тут, у себя на дереве, меня почти никто не видит. Все смотрят только вперёд и забывают поднимать взгляд.

Я поправляю раскрытый альбом и беру карандаш. Мама с папой раньше не возражали, что я залезаю на деревянную площадку, которую дедушка Раньери построил на дереве у моего окна. Тут рисовать лучше всего — это самая высокая точка на нашей улице, отсюда сразу видно, что интересного происходит вокруг. А после случившегося они говорят, что больше этого делать нельзя. Слишком опасно в моём состоянии. Только я не понимаю, разве теперь страшнее, чем раньше?

Мама с папой не всегда обращались со мной, как с фарфоровой куклой. Мы, Бьянкини, крепкая порода. До аварии мне ничего не стоило упасть с велосипеда или подвернуть ногу, играя в футбол, — это с гордостью обсуждалось за воскресным ужином. Преподобной Луне было некогда плакать о царапинах. Она была занята — веселилась.

Но оно того стоит — залезть на моё дерево, несмотря на все опасности, которые теперь мерещатся родителям. С одной стороны площадки открывается вид на весь переулок. С другой я могу заглянуть в окна соседнего дома — его недавно продали. Здесь тихо и спокойно и можно наблюдать за ни о чём не подозревающими соседями.

Уличные фонари мягко светятся, как маленькие планеты какой-то своей солнечной системы. Если приглядеться, за деревьями и домами можно разглядеть башню Всемирного торгового центра, хотя живу я на северном берегу Стейтен-Айленда — неуклюжей скалы

у подножия Манхэттена. Вот как Сицилия сидит у подножия Италии, и её всё время пинает огромный сапог.

Порыв холодного ветра со свистом пронесется по деревьям и листает мой альбом. Я плотнее закутываюсь в своё радужное покрывало и делаю глоток ромашкового чая.

Ромашковый чай очень любила моя тётя Мари. До своей смерти она приглашала нас с мамой на чай по пятницам после школы. Тогда, с нами, она пила «эрл грей», но ночью, когда не могла уснуть, — ромашковый. Говорила, что он успокаивает желудок. Я стала его пить, когда у меня начались проблемы со сном после аварии. Пока что особой разницы я не заметила, только про тётю Мари вспоминаю чаще.

Я отодвигаю в сторону альбом и карандаши и смотрю в бинокль, который папа подарил мне, когда я в прошлом году ездила в палаточный лагерь в горы Катскилл. В третьем окне на третьем этаже высокого дома через улицу загорается свет.

Я считаю вслух: «Три, два, один».

В окне появляется мистер Андерсен, протанцовывает мимо него в одних трусах. Я смеюсь, так сильно и громко, что на глазах выступают слёзы и колет в боку. Чтобы заглушить смех, я утыкаюсь в покрывало. В последнее время танец мистера Андерсена — одна из немногих вещей, которые могут меня рассмешить.

Я вдыхаю лавандовый запах свежевывстиранного покрывала, потом сажусь прямо и снова подношу к глазам бинокль. Только после того, как мы с папой попали в аварию и мне стало не до сна, я заметила, как меняется мир ночью. Даже наш старый добрый скучный Томпкинсвилл.